

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

CODEX JUSTINIANI CONTRA SAMARITIS

В 722 г. до н.э. ассирийцы уничтожили Северное Израильское царство. Иудейское население было угнано в рабство — впоследствии воспоминания о данных событиях обрели форму предания о вавилонском пленении. На «зачищенные» таким образом земли заселили людьми из Месопотамии и Сирии. В результате, новое языческое население, общаясь с остатками старого, подпало под обаяние иудаизма, в результате чего сформировалась своеобразная его версия — самаритянство. Ее последователи придерживались иудейской обрядности, чтити Пятикнижие Моисеево, но в качестве храмового места почитали не Иерусалимскую храмовую гору, а гору Геризим — место, где они молились в свое время, еще будучи язычниками. До сих пор небольшая община — всего около двух сотен человек, проживает все в той же местности¹.

Отношение иудеев к самаритянам достаточно ярко прослеживается в Новом завете. Люди второго сорта, не просто язычники, но злобная карикатура на правоверного еврея. Именно отсюда и идет основная мораль притчи о добром самаритянине — размышление о том, что личная добродетель человека может превосходить даже крайне неблагоприятное происхождение.

Не совсем ясно, насколько большую роль могли играть самаритяне в ближневосточном мире периода Юстиниана и то, как именно воспринимали их христиане. Во всяком случае, некое представление о различии их с иудеями имелось — тот же самый кодекс Юстиниана содержит отдельные законы, посвященные иудеям и самаритянам. Также невозможно точно оценить их численность, впрочем, несомненно достаточно большую. Важен тот факт, что до 529 г.

Копылов Андрей Николаевич — студент исторического факультета СПбГУ (e-mail: gamuret@yandex.ru)

внимания на самаритян византийские императоры не обращали, занимаясь борьбой с христианскими еретиками и манихеями.

Юстиниан, как уже говорилось, не отличался особой веротерпимостью. Сложно, разумеется, судить, насколько в данном случае сочетались его государственные и личные пристрастия, важен тот факт, что в его правление было издано весьма большое количество антиеретических и антииудейских законов. Скорее всего, мы можем довериться такому, мягко говоря, неоднозначному источнику, как «Тайная история» Прокопия Кесарийского, и предположить, что не последнюю роль здесь сыграло стремление пополнить государственную казну, вечно подтачиваемую войнами, за счет конфискации средств еретиков². Все тот же Прокопий утверждает, что еретические храмы накопили весьма значительные богатства, а количество населения, исповедующего искаженные версии христианства было весьма значительным. Непонятно лишь, что именно могло привлечь внимание императора в сельских общинах самаритян — свидетельств о каких-либо особых богатствах, накопленных ими, нет.

Так или иначе, в очередном законе против еретиков, изданном в 529 г.³, впервые употребляется название «самаритяне». Они упоминаются в списке еретиков и врагов христианства, который возглавлен такими извечными противниками, как манихеи и язычники.

Распространение подобных мер не могло не вызвать ответной реакции самаритянской общины. И она не заставила себя ждать. В том же году вспыхивает крайне широкомасштабное и кровавое восстание⁴. В нем приняло участие, прежде всего, крестьянское население, из своего консерватизма не пожелавшее, как многие менее щепетильные жители Палестины, формально заявить о смене веры. В итоге восстание под предводительством некоего Юлиана, сына Савара, было разгромлено при помощи некоего арабского вождя (может быть, это был вождь арабов-гассанидов Абу-Кариб).

После разгрома, оставшиеся в живых повстанцы бежали в Иран и, несмотря на заключенный с Юстинианом мирный договор и прощение, попытались взять реванш, причем с помощью все того же арабского вождя. Им удалось склонить его на свою сторону обещаниями относительно управления Палестиной. В итоге, восстание повторилось — с тем же результатом. Самаритяне были повержены, ни о каком прощении, разумеется, отныне речи быть не могло. Закон от 531 г.⁵ закрепляет положение самаритян в системе анти-

еретического законодательства, его же подтверждает закон того же года, исключаящий самаритян, наравне с рядом других течений, из числа тех еретиков, кому дозволено было свидетельствовать в суде.

В процессе данного исследования не ставился вопрос о причинах подобной политики Юстиниана в отношении самаритян. Интересной представлялась возможность, исследовав законы Кодекса, в которых упоминаются самаритяне, попробовать на их примере вывести некую общую юридическую концепцию, общие принципы отношения Юстиниана к инаковерящим.

Текст первого антисамаритянского закона от 529 г., на первый взгляд, не несет в себе каких-либо глобальных угроз самаритянам. Собственно, они лишь упоминаются в тексте общего закона, общий смысл которого сводится к формуле «все вышесказанное считать верным». В нем содержится список враждебных императору и церкви учений и подтверждение всех мер, предпринимаемых против них. Единственное отличие от многочисленных ему подобных законов — появление самаритян. Что же означал этот закон?

А обозначал он многое. Говоря литературным языком, на самаритян разом «обрушилась» вся громада Византии. Отныне они входили в число врагов истинной христианской веры и на них, как на врагов, были направлены все меры, накапливавшиеся веками — начиная с Константина. Уже упоминавшиеся выше административные преследования, ограничение в правах, возможность конфискации имущества, и прочая, прочая, прочая.

Важно также рассмотреть формулы закона. Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что список еретиков дан не в полном объеме, а лишь частью — в конце его стоят слова «и других еретиков». Для подобного законодательства это было в новинку, ранее списки еретиков прописывались полностью. Наиболее яркой иллюстрацией тому может служить закон Феодосия II⁶, в котором этот список занимает практически весь текст закона. Причин к подобному нововведению, как мне кажется, может быть две. Первая: за 300 лет борьбы с еретиками стало очевидно, что они не представляют из себя сколь бы то ни было единой массы. Напротив, постоянно возникали и исчезали новые учения, менялась их сила, периодически было сложно отличить новое движение от разновидности старого. При таких условиях необходим был закон, который бы не сковывал движения законодательству, заставляя вводить все новые и новые дополнения и уточнения.

Во-вторых, здесь может проявляться уже упоминавшаяся тенденция к дифференциации еретических учений. Обращает на себя внимание, что на первом месте в списке идут манихеи и язычники — главные противники веры. Они и впоследствии будут «держат первые строчки» списка наиболее опасных учений. Возможно, что для Юстиниана было принципиально упомянуть в тексте закона именно определенные учения — как представляющие наибольшую угрозу, или являющие собой первоочередные мишени.

Для общей картины было бы полезно упомянуть также и эмоциональность, и категоричность данного закона. Он завершается формулировкой «от введения этого закона и на вечные времена», более ни в одном законе титула не встречающейся. Открывается же церемониальными словами «всем очевидно (известно)», также встречающимися в единственном экземпляре. Таким образом, создается картина закона, призванного жестко, раз и навсегда закрепить установки антиеретической борьбы, причем представив это как завершающий аккорд длительной борьбы. Борьба же, как мы знаем, на этом не завершилась.

Вслед за восстанием, вызванным законом от 529 г., а скорее всего — вызванной им политикой, в законах титула вновь появляется имя самаритян, разумеется, не к добру для них.

Первый закон от 531 г. нельзя назвать легко интерпретируемым. В нем говорится о том, что государство в случае возникновения споров внутри общин еретиков, или иудеев, может вмешаться для установления мира между ними. Скорее всего, речь здесь может идти о праве еретиков обращаться в имперские суды для ведения тяжб по делам, не затрагивающим сферу интересов Империи и христианского ее населения. Несомненно, для Византии — государства весьма сильно ориентированного на право, подобное допущение является значительной милостью. Таким образом оно не только облегчает жизнь еретиков, представляя им право решать свои споры законным порядком, но и вводит их в сферу гражданства, признавая их, хоть и не полностью, но частично правоспособными гражданами.

Очевидно, для данного закона стремление императора к хотя бы некоторой гибкости в отношениях с еретиками. Вполне возможно, что оно вызвано именно неудачей стремлений, выраженных в предыдущем законе — христианству явно не удалось разгромить своих противников «на вечные времена». Но при этом оно не на-

мерено сдаваться и не изменяет своему отношению к главным врагам — здесь же говорится о ряде течений, для последователей которых данное послабление недоступно. Причем говорится в тонах крайне экспрессивных, более подходящих для гневной публичной речи, чем для закона.

В числе этих течений — манихеи, язычники и самаритяне. Причем все они удостоиваются красочных определений. Мы читаем в законе о «манихейском бешенстве», «языческих заблуждениях», о самаритянах же говорится, что они «ничуть не меньше других» не заслуживают оказанной милости. Именно в этом законе оформление тройки «главных врагов» проступает наиболее явно. И вхождение самаритян в эту тройку закономерно. После кровавого восстания они не вправе были рассчитывать на малейшее снисхождение, и Юстиниан еще раз подчеркивает это. Отделение «тройки» выражено и в том, что в законе содержится упоминание ряда других ересей, однако, никаких комментариев, относящихся к их «особой зловредности», закон не делает.

Завершается закон еще одной любопытной формулировкой, относящейся ко всему списку еретических учений — «которые всеми нашими законами запрещены». Данные слова подчеркивают, что общая система византийского законодательства рассматривала и продолжит рассматривать еретиков как своих противников, и дарованное части из них снисхождение вовсе не смягчает общую тенденцию. Более того, оно тем более подчеркивает их отторжение от общества. Государство доказывает, что даже к своим врагам может относиться с некоторой долей снисходительности — не из-за необходимости договариваться, а по праву заведомо более сильного противника. Но есть те, кто не заслуживает даже его — а значит должны быть уничтожены в первую очередь. Все это ставит ничем особым ранее не отличавшуюся веру самаритян на один уровень с крупнейшими враждебными учениями того времени — манихеями и язычниками.

Третий и последний из имеющихся в титуле законов издан в том же 321 г.⁷ и по содержанию во многом схож с предыдущим. В нем говорится о праве еретиков свидетельствовать в суде — но не против ортодоксов. Естественно, с исключением ряда учений — в том числе, и самаритян. В целом, закон отличают более сдержанные формулировки — отсутствуют столь красочны формулировки как в предыдущем, единственная церемониальная форма —

указание в конце на императорскую волю «чтобы было так неизменно».

Нельзя сказать, что он добавляет что-либо новое к первому закону от 531 г. — в области отношения к самаритянам и прочим «первостепенным врагам». Все так же подчеркивается стремление императора к оказанию некоторых милостей своим подданным, хотя бы и еретикам. Все так же подчеркивается наличие двух групп ученых — тех, кто достоин подобного снисхождения, и тех, кто его не достоин. Этим законом пропасть между двумя группами еще расширяется — право свидетельства в суде одно из важнейших при признании правоспособности человека. Те кто, его лишен, фактически низлагается на уровень рабов — скорее говорящих вещей, нежели людей, с той лишь разницей, что рабы, в отличие от еретиков — вещь полезная, уничтожению не подлежащая.

Подытоживая все вышесказанное, следует сказать, что ничем особым ранее не отличавшаяся, едва ли известная где-либо за пределами Палестины вера самаритян в одночасье вошла в число главных противников христианства. Направленный против них закон, при внешней относительной безобидности, стал причиной широко-масштабного восстания и не менее масштабной резни, последовавшей за его поражением.

Последовавшие за этим законы закрепили и углубили данный порядок. При том, что в целом Юстиниан проявил в них склонность к относительной гибкости и дифференциации в отношениях с еретиками, самаритяне отторгались от государства безоговорочно и жестко. Неприязнь Юстиниана к ним, возможно, имевшая место до начала всех упомянутых событий, в результате восстания лишь усилилась и вылилась в утверждение самаритян в качестве первостепенных противников христианства, а следовательно — империи и императора. Сопутствовавшее этому военное противостояние лишь усугубило противостояние.

Всего три закона, два десятка строчек — но они дают крайне богатую пищу для размышлений об общих тенденциях антиеретического законодательства Юстиниана. Связанные же с ними события навсегда вписали самаритян, о которых в противном случае большинство знало бы лишь по нескольким пренебрежительным отзывам в Новом Завете, на страницы истории Византийской империи и истории борьбы христианства со своими внутренними и внешними противниками.

¹ *Мень А. В.* Сын человеческий. М., 1991.

² Прокопий Кесарийский. Тайная история. М., 1991.

³ Codex Justiniani 1.5.19.4 // [http://www.gmu.edu/departments/fld/ CLAS-SICS/codex1.html](http://www.gmu.edu/departments/fld/CLAS-SICS/codex1.html).

⁴ Прокопий Кесарийский. Тайная история.

⁵ CJ 1.5.21.1.

⁶ CJ 1.5.5pr.

⁷ CJ 1.5.21.1.